

Научная статья

УДК 271.2-725(574)[1920/1950]+929

Для цитирования:

Березин М.А., свящ. Повседневная жизнь приходского духовенства советского Казахстана в 1920–40 годы (в аспекте биографии протоиерея Игнатия Онуфриевича Кондратюка) // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2026. № 2 (33). С. 192–216.

DOI: 10.56621/27825884_2026_33_192

Священник Михаил Анатольевич Березин,
преподаватель церковно-исторической кафедры
Алматинской православной духовной семинарии,
Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Баишева, 28/3
berezin_mihail@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0433-3019

Повседневная жизнь приходского духовенства советского Казахстана в 1920–1940 годы (в аспекте биографии протоиерея Игнатия Онуфриевича Кондратюка)

Священник М.А. БЕРЕЗИН

Аннотация: В статье рассматривается повседневная жизнь православного духовенства советского Казахстана в период 1920–1940 годов. Среди множества персоналий эпохи автор выбрал личность священника Игнатия Онуфриевича Кондратюка. Выбор обусловлен объективными причинами. В жизни протоиерея Игнатия отразились многие драматические события и изломы отечественной истории XX столетия. Происходящий из семьи простого железнодорожного служащего Гродненской губернии, будущий священник пережил эвакуацию на Восток, участие в боях Первой Мировой войны, принятие священного сана в годы Гражданской войны, нелегкое пастырское служение в эпоху гонений, лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях, потерю близких, возвращение к пастырскому служению и послевоенные трудности. В качестве важного документального свидетельства автором использован ранее нигде не опубликованный дневник супруги священнослужителя Анны Николаевны Кондратюк (1897–1944). В указанном источнике, кроме непосредственного описания повседневной жизни семьи священника, присутствует уникальная переписка периода следствия и заключения. Автором показывается, что, несмотря на советские антицерковные гонения, священник Игнатий Онуфриевич Кондратюк смог достойно исполнить возложенный на него Церковью подвиг пастырского служения.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь в годы гонений, Казахская ССР, православное духовенство, пастырское служение, религиозная политика в СССР.

Светскими и церковными историками успешно ведется разработка в области церковно-государственных отношений, периодизации и характера репрессий, темпов ликвидации молитвенных помещений, состояния высшей и епархиальной церковной власти и прочее. Количество научных исследований лавинообразно увеличивается с каждым годом. Особое место занимают исследования, посвященные повседневной жизни рядового духовенства периода гонений, а также отдельным представителям духовного звания. Структурирование же целостной картины церковно-приходской жизни в Казахской ССР находится на стадии изучения духовного опыта священнослужителей и мирян, полученного во время гонений.

Тема повседневной жизни особенно актуализируется, поскольку в условиях узаконенного государственного террора была практически полностью разрушена церковная организация в СССР. Красноречиво говорят об этом сухие цифры статистики о действующих приходах, количестве епископов и находящегося на свободе духовенства в предвоенные десятилетия в сравнении с предыдущим периодом.

Отечественный исследователь М.В. Шкаровский отмечает, что по всей стране действовало не более 350–400 приходов (без учета приходов на присоединенных в 1939 году территориях Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии). Причем только семь

**Священник Игнатий Онуфриевич
Кондратьюк с супругой Анной
Николаевной.
Начало 1920-х годов**

из них приходилось на Казахскую ССР и Среднюю Азию. Епископат насчитывал лишь четыре архипастыря. Давно прекратили свое существования духовные учебные заведения. Высшее церковное управление фактически было парализовано и совершенно не могло влиять на ситуацию. Количество уцелевшего и находящегося на свободе духовенства составляло около 6400 человек¹. Между тем перед эпохой гонений Русская Православная Церковь насчитывала более 49 тысяч церквей и молитвенных домов, более 23 тысяч часовен, около 105 тысяч священнослужителей, а также 4 духовных академии, 58 семинарий и 187 училищ².

К началу революционных событий 1917 года территория современного Северного Казахстана в каноническом отношении относилась к Омской епархии. Необходимо отметить, что в 1914 году на этих территориях было открыто Петропавловское викариатство, где несли свое служение порядка 200 церковных пастырей³. В период революции и Гражданской войны многие пастыри были либо уничтожены, либо рассеяны. Потери привели к тому, что в Северо-Казахстанском регионе к началу 1920 годов осталось не более трех десятков штатных священнослужителей.

На революционные гонения Русская Церковь ответила увеличением числа хиротоний, как архиерейских, так и священнических⁴. В числе рукоположенных в священный сан был Игнатий Онуфриевич Кондратюк (1896—1967), который происходил из семьи железнодорожного служащего. Родился будущий священник в деревне Щеглика Рогознянской волости Кобринского уезда Гродненской губернии. Все его образование составляло двухклассное сельское училище. Затем был псаломщиком в церкви села Здитово Гродненской епархии. С приближением линии фронта (после «великого отступления» российской армии в 1915 году) эвакуировался в Сибирь. Из-за тягот эвакуации по дороге потерял отца. Некоторое время проживал в Томской губернии. В 1916 году призван на военную службу в 36-й Сибирский

¹ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 116—117.

² См.: Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2008. С. 8.

³ См.: Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914.

⁴ См., напр.: Бочков П.В. Среднеазиатские хиротонии «Андреевского» епископата в условиях гонений в 1920—1930 годы // Теология: теория и практика. 2022. № 2. С. 70—84.

стрелковый запасной полк, расквартированный в Омске. В период 1917—1918 годов находился в действующей армии⁵.

Когда фронт фактически развалился, и российская императорская армия была ликвидирована большевиками, вернулся в город Омск, где в феврале 1918 года был назначен епископом Петропавловским Мефодием (Красноперовым) на место псаломщика в церкви села Явленского Петропавловского уезда. 12 июля 1920 года в Крестовоздвиженской церкви города Омска Игнатий Кондратюк венчался с дочерью известного священнослужителя епархии протоиерея Николая Александровича Тверитина — Анной⁶.

Анна Тверитина двумя годами ранее закончила основной и дополнительный курс Омского епархиального женского училища. С 1915 года она вела дневник, благодаря которому возможно не только обозначить внешние события жизни протоиерея Игнатия Кондратюка, но и посмотреть на происходящие события с точки зрения семьи этого священника. Предложение стать женой будущего священника первоначально имело неоднозначный отклик у автора дневниковых записей (она планировала отдать себя педагогическому поприщу). Так, в день сватовства Анна записала: «После долгого сопротивления я согласилась вступить с ним в новую жизнь и идти по ней рука об руку»⁷.

22 июля 1920 года в Марие-Магдалининской церкви города Петропавловска Игнатий был поставлен епископом Мефодием (Красноперовым) во диакона к церкви станицы Надеждинской Петропавловского уезда. Важно отметить, что несмотря на острую нехватку церковных пастырей для рукоположения необходимо было пройти ставленнический экзамен. При этом богослужебная практика была совсем непродолжительной — всего 2 дня (впрочем, и до революции в Омской епархии она длилась немногим дольше)⁸.

⁵ См.: За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917—1956. Биографический справочник. Кн. 8. Т. 2. Конаков — Кюппар. М., 2015. С. 23—26.

⁶ Анна Николаевна Тверитина родилась 3 декабря 1897 года в станице Вознесенской Петропавловского уезда Акмолинской области. В возрасте 12 лет поступила в Омское епархиальное женское училище и к 1916 году окончила основной курс обучения. Осенью она вернулась в Омск для прохождения дополнительного курса подготовки учителей, который завершила через год. После революции учительствовала. Скончалась в 1944 году.

⁷ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 14 июля 1920 г. // Личный архив автора.

⁸ См., напр.: Березин М.А., свящ. «Путь в духовное звание»: личное дело священномученика Василия Иосифовича Бовы // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 83—92.

Храм станицы Надеждинской был деревянным, с пристроенной колокольной, выстроен на каменном фундаменте и обнесен железной оградой. Церковь была освящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы в 1883 году и окормляла местное население в количестве около 2500 человек. Это была старая (по меркам региона) казачья станица. Как отмечали дореволюционные источники, в станице проживало прилежное к церковным службам и причту население⁹.

Начало служения диакона Игнатия проходило на фоне крупного народного восстания против советской власти, впоследствии названного историками Западно-Сибирским (1921 год). Волнение охватило значительную территорию Западной Сибири и Северного Казахстана и повлекло значительные жертвы как среди сочувствующих новой власти, так и из числа повстанцев.

Трагические события восстания также затронули духовенство епархии. Так, в станице Надеждинской в конце февраля 1921 года был убит настоятель храма священник Константин Константинович Зубов. Анна Кондратюк следующим образом описывает гибель священника: «Отец Константин только что приехал из Новоникольска <...> за ним пришли 2 солдата и арестовали. На другой день его и еще человек 10 увезли на отруба <...>. 26 февраля кто-то <...> сообщил, что убит Зубов и еще 8 человек казаков. Поехали за трупами и всех привезли <...>. Самоуправствовалась какая-то шайка во главе с Ромашкой Сахаровым, надеждинским казаком, который ради мести всех этих арестовал и убил. У всех убитых были связаны назад руки и лежали они в снегу. Отец Константин был страшно избит. Игнатий с Мальцевым [диакон Иоанн, клирик церкви ст. Вознесенской Петропавловского уезда. — *Прим. авт.*] обмывали и облачали его. Лицо все пришлось забинтовать, из ран сочилась кровь. Всю ночь сидели мы и еще некоторые старухи у покойника. Игнатий читал евангелие, а старухи пели стихи <...>. 28 февраля отца Константина хоронили»¹⁰.

Пострадали и другие священнослужители Северного Казахстана во главе с Преосвященным Мефодием (Красноперовым), расстре-

⁹ См.: Справочная книга Омской епархии. С. 121–123.

¹⁰ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 20 марта 1921 г.

ленным по приговору военно-революционного трибунала 17 февраля 1921 года¹¹.

Диакон Игнатий смог пережить события Западно-Сибирского крестьянского восстания, хотя он с супругой и подвергся значительной опасности на дороге по пути к дому: «Игнатия повели на допрос. Он сказал, что приехал за женой, она была у акушерки, потом его забрали в подводы, он вчера только вернулся и идет домой. Его обыскали, и меня пришли обшарили. Стали Игнатия спрашивать, кто топил в Ишиме коммунистов. Он сказал: "Я почему знаю, я недавно живу и мало народа знаю". Расспросили и отпустили. <...> Оказалось, что мы попали в лапы отряду Стеньки Разина. Они тут натворили делов. Убили старосту Петра Захаровича и человек 20 избили в Вознесенке, просто ловили по дорогам и отправляли в штаб, кто с сеном, кто с дровами домой ехали, и все попали на тот свет. Сначала не давали хоронить, а потом разрешили брать из амбара. Трудно было узнать людей, так все были изуродованы. Хоронили по несколько гробов в день. После начались аресты, то и дело отправляли в Петропавловск»¹².

15 июля 1922 года диакон Игнатий был рукоположен Омским Преосвященным Димитрием (Беликовым) во священники к церкви села Елизаветинского Акмолинского уезда. Посвящению также предшествовал ставленический экзамен.

Новое место служения пришлось не по душе супруге отца Игнатия и, прежде всего, из-за равнодушного отношения к вере местного населения: «Дом здесь не отстроен, и мы живем на частной квартире, занимаем одну комнату. Народ здесь страшно не религиозный, прямая противоположность Надежке. В церковь ходят очень мало, в праздники работают»¹³.

После периода «красного террора» и кавалерийской атаки на Русскую Православную Церковь давление на духовенство в некоторой степени ослабло. Во многом это было связано с провозглашением т. н. «новой экономической политики». До 1929 года, т. е. до начала индустриализации и коллективизации деревни, аресты духовенства на территории Северного Казахстана не носили массового характера

¹¹ См.: Приказ войскам охраны и обороны железнодорожной линии Омск — Челябинск и прилегающему к ней району // РГВА Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94.

¹² Дневник А.Н. Кондратьюк. Запись от 20 марта 1921 г.

¹³ Дневник А.Н. Кондратьюк. Запись от 18 октября 1922 г.

и применялись в единичных случаях¹⁴. Так, в период с 1922 по 1929 год известно всего о пяти случаях репрессий по признаку принадлежности к Православной Церкви. Случаи смертных приговоров и вовсе отсутствуют¹⁵.

Это, однако, не означает, что духовенство жило спокойно. Напротив, зачастую духовенство испытывало давление со стороны местного партийного и советского актива на бытовом уровне, что, не смотря на кажущуюся малозначительность событий, определяло достаточно гнетущую атмосферу повседневной жизни: «Вечером <...> я села около окна <...>. Вдруг в нашу дверь, которая выходит в сельсовет, раздался стук. <...> Потом стук повторился еще громче и еще, и еще. <...> из сельсовета вышли председатель Потапов и секретарь Баков. Я пошла к сторожу. Он сказал, что [они. — *Прим. авт.*] зашли в комнату, взяли кочергу, отошли к окнам и стали метать в наши двери. Потапов хотел взять табуретку, но Баков посоветовал кочергу <...>. Вчера ночью я уже спала <...>. Пришел в сельсовет Потапов, встал под нашу дверь и давай на чем свет ругать попа. Грозил, что выгонит из этого дома и в другом не даст житья. Был он пьян, что было видно по заплетающемуся языку»¹⁶.

Через два года последовал перевод на священническое место к церкви села Новорыбинское Акмолинского уезда. И здесь отношение местных жителей к Церкви и семье священника оставляло желать лучшего. Имели место постоянные конфликты. Они усугублялись тем, что часть церковного дома, где жила семья священника, была национализирована и находилась в распоряжении сельсовета: «Боже мой, как тяжело переносить незаслуженные оскорбления от идиотов-мужиков. Это хамы, а не люди, они готовы на каждом шагу только оскорблять. Нет, не могу я жить в этой проклятой деревне. Неужели я для того и училась столько лет, чтобы прокиснуть в этой помойной яме. Нет, я просто задыхаюсь в этом омуте <...>. Мне просто до слез <...> больно и обид-

¹⁴ См.: Неживых Н.А. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири). Омск, 2012. С. 4.

¹⁵ См., напр., работу автора: Березин М.А., священник. Периодизация репрессий православного духовенства Северного Казахстана в довоенный период в контексте церковно-государственных отношений // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 179–192.

¹⁶ Дневник А.Н. Кондратьев. Запись от 27 марта 1924 г.

но за такое отношение к духовенству. Нет, тысячу раз вспомнишь Надежку и вообще казаков. Там совершенно другое отношение к духовенству»¹⁷.

Стоит отметить, что семья священника не сторонилась культурной жизни села, что во многом было следствием образования жены отца Игнатия — Анны Николаевны. В дневнике описывается посещение спектаклей местной самодеятельности или, наоборот, досада от невозможности присутствовать на подобных мероприятиях¹⁸. Записи дневника перемежаются с выписками из различных художественных и научных произведений от Пушкина и Белинского до Сенеки и Монтескье.

Не приходится говорить о семье священника Кондратюка как о тайных монархистах. В дневнике в ряде случаев прослеживается недоумение, как ущемление религии может иметь место в «свободной России», что скорее свойственно «самому деспотическому самодержавию, когда сильный борол слабого и беззащитного»¹⁹. По всему видно, что семья священника приняла крушение царской России, но не может найти себя в России советской.

В феврале 1924 года священник Игнатий Кондратюк более двух недель присутствовал на съезде уездного духовенства в городе Акмолинске²⁰. Необходимо отметить, что с гибелью епископа Мефодия (Красноперова) Петропавловское викариатство осталось без канонического возглавления. Несколько последовательно назначенных патриархом Тихоном архиереев к месту служения не прибыли. Омский Преосвященный находился слишком далеко для эффективного управления столь обширной канонической единицей. Ситуация усугублялась еще и тем, что в гражданском отношении территория викариатства была оторвана от РСФСР, отойдя в ведение Киргизской АССР. В силу вышесказанного местное духовенство было в значительной мере дезорганизовано²¹. Между тем в 1923 году церковную власть в регионе захватили представители

¹⁷ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 27 марта 1924 г.

¹⁸ См.: Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 1 февраля 1924 г.

¹⁹ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 27 марта 1924 г.

²⁰ См.: Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 11 февраля 1924 г.

²¹ См.: Прощение патриарху Тихону Приходского Совета и прихожан Васильевской церкви г. Петропавловска о скорейшей отправке архиерея // РГИА. Ф. 831. Д. 273. Л. 32–34.

«Живой Церкви», которые самочинно разделили викариатство на две самостоятельные епархии: Петропавловскую и Акмолинскую. Последнюю возглавил «епископ» Александр (Щербаков). Период с 1923 по 1924 год отмечен рядом экстренных съездов приходского духовенства, которые самостоятельно пытались дать отпор обновленцам²². Вышеупомянутый съезд в городе Акмолинске можно отнести к числу подобных антиобновленческих собраний духовенства, оставшегося верным патриарху Тихону.

Как можно полагать, священник Игнатий был образцовым пастырем: через короткое время его переводят в волостной центр — село Алексеевское, а в 1930 году он назначается настоятелем Константино-Еленинского храма города Акмолинска. Становится он и благочинным одноименного церковного округа.

27 июня 1934 года священник был арестован и содержался в Петропавловской тюрьме. Находясь в заключении, он пишет ряд писем своей супруге, в которых рассуждает о принятом на себя кресте священства: «Мое здешнее пребывание полезное не только мне и моим близким, но даже, может быть, и тем несчастным, которые находятся здесь со мною, но об этом поговорим при личном свидании. Духовные дети и друзья познаются в несчастьи, а проявленная любовь их ко мне и моим присным показывает качества их духовной высоты. Проявленная ими ко мне любовь укрепляет меня для несения креста, возложенного на меня. Крест, конечно, очень тяжелый, но не ропщу на Бога, ибо Он сам знает, что для меня нужно. Тяжела, конечно, разлука с дорогими моему сердцу, но не менее тяжело мне то, что я лишен возможности предаться тому служению, которому я предан всей своей душой. Покоряюсь воле Божией во всем, сам Бог знает, что творит, да будет Его святая воля»²³.

Пробыв в заключении три с половиной месяца, священник Игнатий был отпущен на свободу. С чем был связан арест, остается неизвестным, но обвинения не носили политического характера, в противном случае, священник не оказался бы на свободе так скоро. Безусловно, арест был связан с духовным саном Игнатия Кондратю-

²² См.: Постановление части духовенства Петропавловского викариатства о непризнании обновленческого раскола // РГИА. Ф. 831. Д. 273. Л. 36.

²³ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 22 октября 1934 г.

ка, однако часто священнослужители привлекались по иным статьям уголовного кодекса²⁴.

Например, из материалов следственных дел известно, что в этот период духовенство региона привлекалось по статье 61 «Отказ от выполнения повинностей»²⁵ и статье 124 «Принудительное взимание сборов в пользу церковных и религиозных групп» УК РСФСР²⁶.

Практиковалось массовое лишение духовенства гражданских прав, что также являлось мощным рычагом для достижения политической и социальной изоляции священнослужителей, а также открывало возможность для последующих, обычно более жестких, репрессий²⁷.

Оказывалось на духовенство и значительное финансовое давление: священнослужители приравнивались к частным кулацким хозяйствам и облагались прогрессивным подоходным налогом. Так, при доходе в 500 рублей налог составлял 20 копеек/рубль; с 700 рублей — 30 копеек/рубль; свыше 1000 рублей — 40 копеек/рубль; свыше 3000 рублей — 50 копеек/рубль; свыше 6000 рублей — 70 копеек/рубль. Налог должен был быть уплачен одновременно в полном размере к установленной финансовыми органами дате²⁸. При уплате налога имели место случаи злоупотреблений со стороны местных финансовых органов, в результате чего с духовенства взималась большая сумма, чем была положена по действующим постановлениям.

В целом репрессии начала 1930 годов можно считать достаточно «мягкими» в сравнении с революционным террором и репрессиями конца 1930 годов²⁹. Стоит подчеркнуть, что органы государственной безопасности не требовали от духовенства отречения от Бога.

²⁴ См.: Коршунов К.О., свящ. Реализация репрессивных мер в отношении священнослужителей на территории Чувашии в 1920-е—1930-е гг. // Церковный историк. 2023. № 2 (12). С. 79—96.

²⁵ См.: Следственное дело священника Сергея Емельяновича Дыкина // СГА ДП СКО. Ф. 16. Д. 02148.

²⁶ См.: Следственное дело священника Михаила Михайловича Мякишева // СГА ДП СКО. Ф. 16. Д. 02088.

²⁷ См.: Худобородов А.Л., Яшина М.А. Репрессивная политика Советского государства в отношении Русской Православной Церкви (1920—30-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. Вып. 17. С. 63.

²⁸ См.: Постановление Петропавловского городского Совета // СКГА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 48. Л. 18.

²⁹ См., напр.: Гришин А.А. Протоиерей Сергей Андреевич Сахаров: судьба священнослужителя в обстановке гонений на церковь 1930-х гг. // История и архивы. 2023. № 2. С. 57; Никонов В.В. Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920—1930-х гг. На примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской епархии священника Сергия Никитского // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 327.

Из анализа следственных дел видно, что имел место лишь один подобный случай в отношении обновленческого священника села Ишимское Пролетарского района Василия Дмитриевича Истомина. В ходе следствия 26 ноября 1930 года священник Истомин пишет письмо в региональную газету «Новая степь», в котором отрекается от священного сана и веры в Бога (в следственном деле сохранилось два черновика указанного письма с незначительными расхождениями). Тем не менее отречение не помогло бывшему священнику: 2 марта 1931 года «Тройкой» ОГПУ по Казахстану он был приговорен к 5 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях³⁰.

В связи с упоминанием советской печати, будет уместным отметить, что власти в целях атеистической пропаганды, а также дискредитации Церкви и духовенства размещали на страницах периодической печати заведомо недостоверные, компрометирующие материалы³¹.

«Написал [некий Дьяков. — *Прим. авт.*] статью перед Пасхой о том, что у нас в ограде устроена волейбольная площадка, и что Игнатий сам играет и привлекает молодежь. Еще Дьяков написал то же самое в "Крокодил". И до сих пор эту Дьяковскую выдуманную площадку трясут все безбожники перед каждым религиозным праздником, т. к. больше нечего сказать умного и остроумного и для всех убедительного. Нужно было что-то говорить и на предвыборных собраниях, а кроме небывалой площадки ничего не придумаешь нового и интересного»³². В дневнике Анны Николаевны есть упоминание о трудностях, с которыми встречались их дети в советской школе: придирки, частая общественная проработка и порицание. Тем не менее отец Игнатий запрещал детям вступать в пионерскую и комсомольскую организацию, считая это делом богопротивным. Даже находясь в заключении, он пишет: «На свидании мне показалось, что у Гали красный галстук, неужели она носит его? Детям могут быть тоже неприятности, но я хотел бы, чтобы они были такими же, как при мне»³³.

³⁰ См.: Следственное дело священника Василия Дмитриевича Истомина // СГА ДП СКО. Ф. 16. Д. 02049.

³¹ См.: Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник ОмГУ. 2013. № 1 (67). С. 43–47.

³² Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 25 апреля 1937 г.

³³ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 25 марта 1938 г.

Самым масштабным периодом политических репрессий стала эпоха «Большого террора». Следствие велось в упрощенном порядке специальными внесудебными органами — «Тройками»³⁴. Время следствия ограничивалось недельным сроком. Допросы арестованных также носили формальный характер, а протоколы часто были фальсифицированы самими следователями³⁵.

Священника Игнатия Кондратьюка арестовали по обвинению в антисоветской агитации и 8 декабря 1937 года по приговору «Тройки» УНКВД по Карагандинской области назначили 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Он отбывал срок в Ярославской области близ железнодорожной станции Шишково³⁶. Как полагал сам отец Игнатий, донос на него написал бывший церковный дворник, впрочем, в силу проводимой властями репрессивной политики, священника могли арестовать и без всякого доноса.

«10 октября пришли с обыском двое из НКВД. Искали поверхностно, т.к. знали, что за Игнатием ничего противополитического нет. Передач от меня не принимали. Через три недели только взяли белье. За 2 месяца только раз всего передала продуктовую передачу. 10 декабря перевели в тюрьму, а 11-го я уже передала передачу и еще 15-го. А 21-го целый день караулила у тюрьмы этап и в 4 ч. вечера вывели Игнатия в числе 200 человек под конвоем. На станции нас не допустили близко, их погрузили в теплушки, а мы ночевали на вокзале. Утром у окна увидели его в последней теплушке, стали разговаривать за несколько сажень. Потом приняли от всех передачу и деньги. Часа в 3 Игнатий взял ведра и ходил за водой с конвоем. Нас не допускали, не давали говорить. Проходя мимо меня он только сказал: "Ты сегодня именинница" и сам заплакал <...>»³⁷.

Священник Игнатий в одном из своих тюремных писем следующим образом описывает следствие: «Знай одну новость, что теперь допросы не такие, какие были раньше, а ужасные издевательства, оскорбления и мучения многим выстаиванием до одурения и потери

³⁴ См.: Гинзбург А.Я. Тройки НКВД как особый инструмент в системе политических репрессий // Вестник Университета им. Д.А. Кунаева. 2006. № 2 (19). С. 230–243.

³⁵ См.: Щелкунов А.А. Особенности ведения следствия органами НКВД против священнослужителей во время «Большого террора» 1937–1938 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 2 (63). С. 108–120.

³⁶ См.: За Христа пострадавшие... С. 25.

³⁷ Дневник А.Н. Кондратьюк. Запись от 15 февраля 1938 г.

сознания. Я привык во время службы к продолжительному стоянию, но и то опухали ноги и руки, делались безобразными от опухоли. После этого начинает темнеть в глазах, все делается окрашенным в желтый цвет. Человек соглашается на все, подписывает, какую угодно бумагу, и этим кончается следствие. Я же с помощью Божией выдержал все и ни в чем не поддался, но верю, только ваша молитва и моя укрепили меня»³⁸.

Говоря об условиях содержания, он пишет: «Здесь ко мне относятся неплохо, но среда, хотя и интеллигентная, но слишком испорчена, поэтому тяжело с ними. Правда, меня они немного стесняются, но все же вырываются различные слова. Сплю сейчас на нарах, но нары настолько грязные, и все камеры такие, как у нас пол у коровы, только у нас, пожалуй, будет еще чище»³⁹.

Осознавая бедственное положение своей семьи, священник пишет обращение в Политический красный крест, в котором просит сообщить живущему в Америке брату Петру (последний переехал туда в 1907 году) взять на иждивение жену и детей. Однако к этому времени из-за давления властей Политический красный крест фактически прекращает свое существование; обращение остается без ответа⁴⁰.

Добравшись до лагеря, отец Игнатий был распределен на общие работы, а потом, как грамотный, переведен на электростанцию: «<...> полагается работать в день 10 часов, а работаем более 12 подряд <...>. Мне пиши, сколько можешь, но все прикрывай, я пойму. Посылочку можно маленькую, и в ней главное это жир, т. е. сало и колбаса такая, чтобы не испортилась, но если у вас плохо, то не посылайте, я здесь один проживу. Денег не надо, есть еще много, а купить нечего. Поблагодари от меня всех, что кто сделал для вас доброе, и передай от меня привет и <...> благословения. <...> Писать жалобы еще не писал, т. к. видя такую массу людей невиновных, сомневаюсь, выйдет ли толк из этих жалоб, но посмотрю все же, немного погодя буду писать. Ехать пока сюда нельзя, т. к. едва ли получим свидание. Лагерь не устроен, т. к. он совершенно новый, существует всего 2—3 месяца»⁴¹.

³⁸ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 15 февраля 1938 г.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Фролова Е.И. Политический красный крест и Советская Россия // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 81—82.

⁴¹ Дневник А.Н. Кондратюк. Запись от 25 марта 1938 г.

Многие священнослужители Русской Церкви, попавшие в молох репрессий 1937–1938 годов, были уничтожены⁴². Однако отцу Игнатию удалось выжить и даже освободиться раньше истечения срока наказания. Согласно директиве НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР № 467 (18–71/117 с) от 23 октября 1942 года («О порядке рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осужденных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом») и постановлению постоянной сессии Ярославского областного суда, священник как инвалид был досрочно освобожден от отбывания наказания⁴³. Последнее стало возможным по причине серьезных хронических болезней: кардиосклероза и эпилепсии. Освобождение состоялось 2 ноября 1943 года⁴⁴.

После освобождения священник Игнатий Кондратюк вернулся к пастырскому служению: в мае 1944 года получив назначение на приход в город Щучинск Казахской ССР. Как показывает анализ состава православного духовенства Казахстана в 1940 годы, большинство священнослужителей имели судимость или жили в республике как ссыльные. Необходимо отметить, что их легализации на первоначальном этапе реставрации церковной жизни способствовал Совет по делам Русской Православной Церкви, поскольку других священнослужителей в тех условиях взять было попросту негде⁴⁵.

Силы его жены Анны Николаевны, подорванные необходимостью содержания большой семьи во время заключения мужа-священника, были окончательно подорваны; заболев тифом, она скончалась в декабре 1944 года.

В марте 1946 года Игнатий Кондратюк был переведен на место настоятеля кладбищенской церкви Всех Святых города Петропавловска, а также назначен благочинным Северо-Казахстанской области.

⁴² См., напр.: Печерин А.В. Особенности проведения Большого террора против служителей церкви на Урале // Технологос. 2018. № 3. С. 96–108; Степанов А.Ф. «Большой террор» 1937–1938 гг. и православное духовенство: репрессии в советском Татарстане // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. № 36. С. 67–80.

⁴³ См.: Директива НКВД Союза ССР, НКЮ Союза ССР и Прокурора Союза ССР № 467/18-71/117с. «О порядке рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осужденных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом». 23 октября 1942 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/68852> (дата обращения: 25.10.2024).

⁴⁴ См.: Справка об освобождении Кондратюка Игнатия Онуфриевича // Личный архив автора.

⁴⁵ См.: Письмо Уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви в Казахской ССР тов. Вохмению от 13 августа 1948 г. // ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 1. Л. 145–146.

Несмотря на возможность легального служения, православное духовенство 1940 годов (равно как и последующих четырех десятилетий) находилось под пристальным вниманием контролирующих органов и, в первую очередь, Совета по делам Русской Православной Церкви⁴⁶.

Не исчезло и финансовое давление на духовенство. Постановлением Совета Министров СССР «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» священнослужители были приравнены к «не кооперируемым кустарям» (от 3 декабря 1946 года) духовенство получило налоговый вычет в размере 81 % от годового дохода⁴⁷. В 1946 году годовой налог священника кладбищенской церкви Всех Святых составлял 36 тысяч рублей⁴⁸. Доход после налогового вычета составлял 8 500 рублей или около 708 рублей/месяц.

Тем не менее заработки духовенства областного центра Казахской ССР не дотягивали до уровня доходов священнослужителей крупных городов центральных областей РСФСР. Достаточно привести сравнение с материальным обеспечением духовенства Тульской епархии. Так, священник Всехсвятского кафедрального собора города Тулы после налоговых вычетов имел годовой доход в размере 25 182 рублей или около 2098 рублей/месяц⁴⁹.

Притеснениям подвергалось духовенство, которое в силу пастырского долга и христианского горения пыталось выйти за жестко очерченные рамки дозволенной властями религиозной деятельности⁵⁰. В 1948 году уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви С.Р. Вохменин потребовал от архиепископа Алматинского и Казахстанского Николая (Могилевского) убрать священника Игна-

⁴⁶ См.: Абдрахманова К.К. Религия в повседневной жизни городского населения центрального Казахстана в послевоенный период // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 106; Сактаганова З.Г. Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX века // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 65–66.

⁴⁷ См.: Марченко А.Н., прот. Доходы православного духовенства и налоговая политика власти в период хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 годов (по материалам Уральского региона) // Вестник ЧелГУ. 2008. № 18. С. 131.

⁴⁸ См.: Информационный доклад о состоянии и деятельности Русской Православной Церкви в Северо-Казахстанской области за период с 1 апреля по 1 июля 1945 г. // ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 3. Л. 62.

⁴⁹ См.: Ефимушкин П.А. Материальное положение приходского духовенства Тульской епархии в 1945–1957 гг. // Манускрипт. 2019. № 5. С. 33.

⁵⁰ См.: Сентябова М.В. Повседневная жизнь приходов Русской православной церкви в Красноярском крае в 40–70 годы XX века // Вестник КрасГАУ. 2012. № 6. С. 240.

тия Кондратюка из клира епархии. Причиной столь жесткого требования стала позиция священника по отношению к советской власти. Так, известно, что тот сократил принудительные отчисления прихода в государственные фонды, притеснял просоветское духовенство, а также уклонялся от совершения торжественного богослужения в годовщину Октябрьской революции⁵¹.

Интересна характеристика, данная отцу Игнатию уполномоченным Совета, в которой отмечается, что тот хороший проповедник и ревностный священник, безусловно служащий Церкви не в видах материальной выгоды. Одновременно Совет сомневается в наличии у него искреннего «советского патриотизма», а лишь его видимости⁵².

Одной из причин удаления священника Игнатия Кондратюка можно считать стремление последнего добиваться выделения нескольких северных областей Казахской ССР в самостоятельную епархию, имея в виду на место правящего архиерея свою кандидатуру⁵³. Желая сохранить ценного для епархии священника, архиепископ Николай (Могилевский) перевел отца Игнатия в соседнюю Кустанайскую область, вновь назначив благочинным⁵⁴. Однако по причине непрекращающегося давления Совета тот вынужден был в конце 1948 года навсегда покинуть Казахстан.

Местом для переезда был выбран город Орел, но и здесь не получилось устроиться⁵⁵. Впоследствии священник Игнатий Кондратюк служил в городе Елец Липецкой области и городе Кинешме Ивановской области. Был реабилитирован в 1961 году. После чего был принят в клир г. Москвы, где проходил служение в храме Николая Чудотворца в Хамовниках и храме Казанской иконы Божией Матери в Коломенском. Скончался протоиерей Игнатий Кондратюк

⁵¹ См.: Информационный доклад о деятельности Русской Православной Церкви в Казахской ССР // ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 7. Л. 8, 11–12, 36.

⁵² См.: Информационный доклад о состоянии и деятельности Русской Православной Церкви в пределах Северо-Казахстанской области за период с 1 января по 1 июня 1946 г. // ЦГА РК. Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 3. Л. 136.

⁵³ См. подр. работу: Березин М., свящ. Приходское духовенство Северного Казахстана в контексте нового курса конфессиональной политики Советского государства (1940–1950 гг.) // Церковный историк. 2022. № 1 (7). С. 184–185.

⁵⁴ См.: Информационный доклад о состоянии и деятельности Русской Православной Церкви в Кустанайской области // ГА КО. Ф. Р-268. Оп. 11. Д. 73. Л. 271.

⁵⁵ См.: Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 3. Орел, 1996. С. 56.

11 декабря 1967 года, погребен на городском кладбище города Подольска Московской области. Чин отпевания совершил митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков)⁵⁶.

В жизни протоиерея Игнатия Онуфриевича Кондратюка отразились многие поворотные события церковной и светской истории минувшей эпохи: эвакуация на Восток в годы Первой Мировой войны и участие в боях, принятие священного сана во время Гражданской войны, пастырское призвание в эпоху гонений, лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях, потеря близких, возвращение к священническому служению и послевоенные трудности. Выпавшие на долю священника испытания не смогли поколебать его решимости служить Русской Православной Церкви и достойно пройти путь пастыря.

Важным историческим источником биографического очерка стал дневник супруги отца Игнатия Анны Николаевны Кондратюк (Тверитиной), благодаря которому восстановлены не только событийные подробности, но и духовные и нравственные переживания самого священника и его семьи. Сведения о послевоенной жизни И.О. Кондратюка мы находим в документах Совета по делам Русской Православной Церкви. Таким образом, описание повседневной жизни рядового священника советского Казахстана довоенного периода приобретают документальную основу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Вечная память почившим! // Журнал Московской Патриархии. 1968. № 7. С. 27.
2. Директива НКВД Союза ССР, НКЮ Союза ССР и Прокурора Союза ССР № 467/18–71/117 с. «О порядке рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осужденных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом». 23 октября 1942 г. // Исторический материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/68852> (дата обращения: 25.10.2024). Яз. рус.
3. Дневник Анны Николаевны Кондратюк (Тверитиной) // Личный архив автора.

⁵⁶ См.: Вечная память почившим! // Журнал Московской Патриархии. 1968. № 7. С. 27.

4. Информационный доклад о деятельности Русской Православной Церкви в Казахской ССР // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 7.
5. Информационный доклад о состоянии и деятельности Русской Православной Церкви в Северо-Казахстанской области за период с 1 апреля по 1 июля 1945 г. // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 3.
6. Информационный доклад о состоянии и деятельности Русской Православной Церкви в Кустанайской области // Государственный архив Костанайской области (ГА КО). Ф. Р-268. Оп. 11. Д. 73.
7. Письмо Уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви в Казахской ССР тов. Вохменину от 13 августа 1948 г. // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1709. Оп. 1 р/сч. Д. 1.
8. Постановление Петропавловского городского Совета // Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 30. Оп. 1. Д. 48.
9. Постановление части духовенства Петропавловского викариатства о непризнании обновленческого раскола // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Д. 273.
10. Приказ войскам охраны и обороны железнодорожной линии Омск — Челябинск и прилегающему к ней району // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94.
11. Прощение патриарху Тихону Приходского Совета и прихожан Васильевской церкви г. Петропавловска о скорейшей отправке архиепископа // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Д. 273.
12. Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине / под ред. И. Я. Мосякин и др.: в 5 т. Т. 3. Орел, 1996. 340 с.
13. Следственное дело священника Василия Дмитриевича Истомина // Специальный государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области (СГА ДП СКО). Ф. 16. Д. 02049.
14. Следственное дело священника Михаила Михайловича Мякишева // Специальный государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области (СГА ДП СКО). Ф. 16. Д. 02088.
15. Следственное дело священника Сергея Емельяновича Дыкина // Специальный государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области (СГА ДП СКО). Ф. 16. Д. 02148.
16. Справка об освобождении Кондратюка Игнатия Онуфриевича // Личный архив автора.
17. Справочная книга Омской епархии / сост. свящ. Иоанн Голошубин. Омск: тип. Иртыш, 1914. 1250 с.

Литература

18. Абдрахманова К.К. Религия в повседневной жизни городского населения центрального Казахстана в послевоенный период // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 102–109.
19. Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 802 с.
20. Березин М., свящ. Приходское духовенство Северного Казахстана в контексте нового курса конфессиональной политики Советского государства (1940–1950 гг.) // Церковный историк. 2022. № 1 (7). С. 184–185.
21. Березин М.А., свящ. «Путь в духовное звание»: личное дело священномученика Василия Иосифовича Бовы // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 83–92.
22. Березин М.А., свящ. Периодизация репрессий православного духовенства Северного Казахстана в довоенный период в контексте церковно-государственных отношений // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 179–192.
23. Бочков П.В. Среднеазиатские хиротонии «Андреевского» епископата в условиях гонений в 1920–1930 годы // Теология: теория и практика. 2022. № 2. С. 70–84.
24. Гинзбург А.Я. Тройки НКВД как особый инструмент в системе политических репрессий // Вестник Университета им. Д.А. Кунаева. 2006. № 2 (19). С. 230–243.
25. Гришин А.А. Протоиерей Сергей Андреевич Сахаров: судьба священнослужителя в обстановке гонений на церковь 1930-х гг. // История и архивы. 2023. № 2. С. 53–64.
26. Ефимушкин П.А. Материальное положение приходского духовенства Тульской епархии в 1945–1957 гг. // Манускрипт. 2019. № 5. С. 31–36.
27. За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956. Биографический справочник. Кн. 8. Т. 2. Конаков — Кюппар. М.: ПСТГУ, 2015. 900 с.
28. Коршунов К.О., свящ. Реализация репрессивных мер в отношении священнослужителей на территории Чувашии в 1920-е–1930-е гг. // Церковный историк. 2023. № 2 (12). С. 79–96.
29. Марченко А.Н., прот. Доходы православного духовенства и налоговая политика власти в период хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 годов (по материалам Уральского региона) // Вестник ЧелГУ. 2008. № 18. С. 129–138.

30. Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник ОмГУ. 2013. № 1 (67). С. 43–47.
31. Неживых Н.А. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири). Омск: Омский государственный технический университет, 2012. 160 с.
32. Никонов В.В. Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920–1930-х гг. На примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской епархии священника Сергия Никитского // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 314–329.
33. Печерин А.В. Особенности проведения Большого террора против служителей церкви на Урале // Технологос. 2018. № 3. С. 96–108.
34. Сактаганова З.Г. Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX века // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 60–76.
35. Сентябова М.В. Повседневная жизнь приходов Русской православной церкви в Красноярском крае в 40–70 годы XX века // Вестник КрасГАУ. 2012. № 6. С. 239–245.
36. Степанов А.Ф. «Большой террор» 1937–1938 гг. и православное духовенство: репрессии в советском Татарстане // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. № 36. С. 67–80.
37. Фролова Е.И. Политический красный крест и Советская Россия // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 71–85.
38. Худобородов А.Л., Яшина М.А. Репрессивная политика Советского государства в отношении Русской Православной Церкви (1920–30-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. Вып. 17. С. 61–65.
39. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд. Крутицкого Патриаршего Подворья; Общество любителей православной церкви, 1999. 400 с.
40. Щелкунов А.А. Особенности ведения следствия органами НКВД против священнослужителей во время «Большого террора» 1937–1938 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 2 (63). С. 108–120.

*Статья поступила в редакцию 29.12.2025,
одобрена после рецензирования 16.02.2026,
принята к публикации 24.04.2026.*

Article

UDC 271.2-725(574)|1920/1950|+929

For citation:

Berezin M., priest. Povsednevnyaya zhizn' prikhodskogo dukhovenstva Sovetskogo Kazakhstana v 1920–40 gody (v aspekte biografii protoiyereya Ignatiya Onufrievicha Kondratyuka) [Everyday life of the parish clergy of Soviet Kazakhstan in the 1920s — 40s (in terms of the biography of Archpriest Ignatius Onufrievich Kondratyuk)] // Trudy Saratovskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2026. No. 2 (33). pp. 192–216.
DOI: 10.56621/27825884_2026_33_192

Priest Mikhail Berezin,

Lecturer of the Department of Church History,

Almaty Orthodox Theological Seminary,

28/3 Baisheva str., Almaty, Republic of Kazakhstan

berezin_mihail@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0433-3019

Everyday Life of the Parish Clergy of Soviet Kazakhstan in the 1920s — 40s (in Terms of the Biography of Archpriest Ignatius Onufrievich Kondratyuk)

Priest M. BEREZIN

Abstract: The article examines the everyday life of the Orthodox clergy of Soviet Kazakhstan in the period of 1920–40s. Among the many personalities of the era, the author has chosen the personality of priest Ignatius Onufrievich Kondratyuk. The choice is due to objective reasons. The life of Archpriest Ignatius reflected many dramatic events and twists in the history of Russia in the 20th century. Coming from a family of a simple railway employee of the Grodno province, the future priest experienced evacuation to the East, participation in the battles of World War I, ordination during the Civil War, difficult pastoral service during the era of persecution, imprisonment in forced labor camps, the loss of loved ones, a return to pastoral service and post-war difficulties. As important documentary evidence, the author used the previously unpublished diary of the priest's wife Anna Nikolaevna Kondratyuk (1897–1944). In addition to a direct description of the daily life of the priest's family, this source contains unique correspondence from the period of investigation and imprisonment. The author shows that, despite Soviet anti-church persecution, priest Ignatius Onufrievich Kondratyuk was able to worthily fulfill the feat of pastoral service entrusted to him by the Church.

Keywords: Russian Orthodox Church during the years of persecution, Kazakh SSR, Orthodox clergy, pastoral service, religious policy in the USSR.

REFERENCES

1. Abdrakhmanova K.K. (2013) "Religiya v povsednevnoy zhizni gorodskogo naseleniya tsentral'nogo Kazakhstana v poslevoynenny period" [Religion in the Everyday Life of the Urban Population of Central Kazakhstan in the Post-War Period]. In: "Vestnik ugrovedeniya" [Bulletin of Ugrological Studies]. No. 1 (12). pp. 102–109. (In Russian).
2. Beglov A.L., Vasilyeva O.Yu., Zhuravsky A.V. (2008) "Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke" [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow. (In Russian).
3. Berezina M. (2022) "Prihodskoye dukhovenstvo Severnogo Kazakhstana v kontekste novogo kursa konfessional'noy politiki Sovetskogo gosudarstva (1940–1950 gg.)" [Parish Clergy of Northern Kazakhstan in the Context of the New Course of Confessional Policy of the Soviet State (1940–1950)]. In: "Tserkovnyy istorik" [Church Historian]. No. 1 (7). pp. 184–185. (In Russian).
4. Berezina M.A. (2020) "Periodizatsiya repressiy pravoslavnogo dukhovenstva Severnogo Kazakhstana v dovoynenny period v kontekste tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy" [Periodization of the Repressions of the Orthodox Clergy of Northern Kazakhstan in the Pre-War Period in the Context of Church-State Relations]. In: "Khristianstvo na Blizhnem Vostoke" [Christianity in the Middle East]. 2020. No. 4. pp. 179–192. (In Russian).
5. Berezina M.A. (2021) "«Put' v dukhovnoye zvaniye»: lichnoye delo svyashchennomuchenika Vasiliya Iosifovicha Bovy" ["The Path to the Spiritual Rank": The Personal File of Hieromartyr Vasily Iosifovich Bova]. In: "Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii" [Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy]. No. 3(8). pp. 83–92. (In Russian).
6. Bochkov P.V. (2022) "Sredneaziatskiye khirotonii «Andreyevskogo» yepiskopata v usloviyakh goneny v 1920–1930 gody" [Central Asian Ordinations of the "St. Andrew's" Episcopate during Persecutions in the 1920s–1930s]. In: "Teologiya: teoriya i praktika" [Theology: Theory and Practice]. No. 2. pp. 70–84. (In Russian).
7. Efimushkin P.A. (2019) "Material'noye polozheniye prihodskogo dukhovenstva Tul'skoy yeparkhii v 1945–1957 gg." [The Financial Situation of the Parish Clergy of the Tula Diocese in 1945–1957]. In: "Manuskript" [Manuscript]. No. 5. pp. 31–36. (In Russian).
8. Frolova E.I. (2011) "Politicheskiy krasnyy krest i Sovetskaya Rossiya" [The Political Red Cross and Soviet Russia]. In: "Voprosy istorii" [Questions of History]. 2011. No. 9. pp. 71–85. (In Russian).

9. Ginzburg A.Ya. (2006) "Troyki NKVD kak osobyy instrument v sisteme politicheskikh repressiy" [NKVD Troikas as a Special Instrument in the System of Political Repression]. In: "Vestnik Universiteta im. D.A. Kunayeva" [Bulletin of the D.A. Kunayev University], No. 2 (19). pp. 230–243. (In Russian).
10. Grishin A.A. (2023) "Protoieryey Sergiy Andreyevich Sakharov: sud'ba svyashchennosluzhitelya v obstanovke goneniya na tserkov' 1930-kh gg." [Archpriest Sergiy Andreevich Sakharov: The Fate of a Clergyman during the Church Persecution of the 1930s]. In: "Istoriya i arkhivy" [History and Archives], No. 2. pp. 53–64. (In Russian).
11. Khudoborodov A.L., Yashina M.A. (2011) "Repressivnaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (1920–30-ye gg.)" [The Repressive Policy of the Soviet State towards the Russian Orthodox Church (1920s–30s)]. In: "Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnyye nauki" [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities], Iss. 17. pp. 61–65. (In Russian).
12. Korshunov K.O. (2023) "Realizatsiya repressivnykh mer v otnoshenii svyashchennosluzhiteley na territorii Chuvashii v 1920-ye — 1930-ye gg." [The Implementation of Repressive Measures against Clergy in Chuvashia in the 1920s–1930s]. In: "Tserkovnyy istorik" [Church Historian], No. 2 (12). pp. 79–96. (In Russian).
13. Marchenko A.N. (2008) "Dokhody pravoslavnogo dukhovenstva i nalogovaya politika vlasti v period khrushchovskoy antireligioznoy kampanii 1958–1964 godov (po materialam Ural'skogo regiona)" [Income of the Orthodox Clergy and the Government's Tax Policy during Khrushchev's Antireligious Campaign of 1958–1964 (Based on Materials from the Ural Region)]. In: "Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta" [Bulletin of Chelyabinsk State University], No. 18. pp. 129–138. (In Russian).
14. Metel A.V. (2013) "Stanovleniye antireligioznoy periodicheskoy pechati v SSSR (1919–1941 gg.)" [The Formation of the Antireligious Periodical Press in the USSR (1919–1941)]. In: "Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta" [Bulletin of Omsk State University], No. 1 (67). pp. 43–47. (In Russian).
15. Nezhiviykh N.A. (2012) "Religioznyy NEP. Gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya v 1920-ye gg. (na materialakh Zap. Sibiri)" [Religious New Economic Policy. State-church relations in the 1920s (based on materials from Western Siberia)]. Omsk. (In Russian).

16. Nikonov V.V. (2022) "Etapnost' v politicheskikh presledovaniyakh dukhovenstva v 1920–1930-kh gg. Na primere nastoyatelya Vladimirskogo khrama v sele Kraskove Moskovskoy yeparkhii svyashchennika Sergiya Nikitskogo" [The Stages of Political Persecution of the Clergy in the 1920s–1930s: A Case Study of Priest Sergiy Nikitsky, Rector of St. Vladimir's Church in the Village of Kraskovo, Moscow Diocese]. In: "Khristianskoye chteniye" [Christian Reading]. No. 3. pp. 314–329. (In Russian).
17. Pecherin A.V. (2018) "Osobennosti provedeniya Bol'shogo terrora protiv sluzhiteley tserkvi na Urale" [Characteristics of the Great Terror against Church Ministers in the Urals]. In: "Tekhnologos" [Tekhnologos]. No. 3. pp. 96–108. (In Russian).
18. Saktaganova Z.G. (2017) "Sovetskaya model' gosudarstvennoy religioznoy politiki v Kazakhstane i religioznaya povsednevnost' kazakhstantsev vo vtoroy polovine KHKH veka" [The Soviet Model of State Religious Policy in Kazakhstan and the Everyday Religious Life of Kazakhstanis in the Second Half of the Twentieth Century]. In: "Istoriya povsednevnosti" [History of Everyday Life]. No. 1 (3). pp. 60–76. (In Russian).
19. Sentyabova M.V. (2012) "Povsednevnyaya zhizn' prikhodov Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Krasnoyarskom kraye v 40–70 gody XX veka" [Everyday Life of the Russian Orthodox Church Parishes in Krasnoyarsk Krai in the 1940s–1970s]. In: "Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo argrarnogo universiteta" [Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University]. No. 6. pp. 239–245. (In Russian).
20. Shchelkunov A.A. (2015) "Osobennosti vedeniya sledstviya organami NKVD protiv svyashchennosluzhiteley vo vremya «Bol'shogo terrora» 1937–1938 gg." [Features of the NKVD investigation against clergy during the Great Terror of 1937–1938]. In: "Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi" [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church]. Iss. 2 (63). pp. 108–120. (In Russian).
21. Shkarovsky M.V. (1999) "Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve" [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow. (In Russian).
22. Stepanov A.F. (2010) "«Bol'shoy terror» 1937–1938 gg. i pravoslavnoye dukhovenstvo: repressii v sovetskom Tatarstane" ["The Great Terror" of 1937–1938. and the Orthodox Clergy: Repressions

in Soviet Tatarstan]. In: "Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi" [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2010. No. 36. pp. 67–80. (In Russian).

*The article was submitted 29.12.2025,
approved after reviewing 16.02.2026,
accepted for publication 24.04.2026.*